

Цэнь Цзибай на мгновение задумался, помолчал, но затем сказал: «В ночь Юаньси на дворцовом пиру он тоже будет. Тогда и заберёт Серебряного Инея».

Да, Юаньси. Цэнь Цзибай размышлял: как бы он ни скрывался, рано или поздно ему придётся встретиться с Линь Цзинем.

Юаньси знаменовал начало нового года, и в этом году дочь Шэнь Лана, Сусинь, должна была прибыть в город Линъян. Если удастся изменить события прошлой жизни, встреча с Линь Цзинем, возможно, пройдет с большей уверенностью.

Вероятно, из-за того, что ни одна белая лошадь не могла сравниться с Серебряным Инеем, Сун Сяоси теперь вовсе не смотрел на белых коней. Перебрав множество вариантов, Цэнь Цзибай выбрал для него маленького вороного жеребёнка с глянцевого чёрной шерстью — умного и статного.

Вообще, Цэнь Цзибаю казалось странным называть лошадь «статной». Но жеребёнок и вправду был красив и идеально подходил Сун Сяоси, который только осваивал верховую езду и стрельбу из лука. Для его возраста и умений завести такого жеребёнка было куда разумнее, чем взрослого коня.

Цэнь Цзибай дал ему имя — Чернильный.

Сун Сяоси надул губки и снова насупился. «Чернильный, Чернильный... Какое некрасивое имя!»

У Сун Сяоси всё ещё не вырос один зуб, и он обычно старался этого не показывать, но в пылу эмоций забывал о предосторожностях. Теперь, громко возмущаясь, он обнажил пустующее место на месте четвёртого зуба слева. Цэнь Цзибай не сдержал улыбки и решил не спорить. «А как бы ты назвал? Белый Снег?»

Услышав это, Сун Сяоси расшвырялся и бросился за Цэнь Цзибаем по манежу, пытаясь его стукнуть. Но силы быстро иссякли, и он, запыхавшись, плюхнулся на землю.

Цэнь Цзибай хотел предложить другое имя для Чернильного, но Сун Сяоси лишь фыркнул и равнодушно бросил: «Пусть будет Чернильный».

Цэнь Цзибай подумал, что Сун Сяоси смирился, но на следующий день мальчик оседлал Чернильного и отправился в резиденцию Линь.

Наступил праздник Лаба. Сун Сяоси с утра объявил Сун Чжияю, что хочет вернуться в дом Сун, чтобы выпить праздничную кашу от кормилицы и навестить давно не виданного дедушку. Сун Чжияю отпустил его, выделив несколько слуг.

Всю дорогу Сун Сяоси ехал на Чернильном и в целом оставался доволен жеребёнком. Однако, вспоминая красоту Серебряного Инея и ужасное имя, он чувствовал досаду.

Канцлер Сун всё ещё был на службе, поэтому Сун Сяоси в одиночестве выпил густую сладкую кашу от кормилицы, взял свой драгоценный красный лакированный ларец и, вскочив на Чернильного, отправился в резиденцию Линь.

В доме Линь Линь Юань уже вернулся на Северные земли, Линь Шу, как обычно, отсутствовал — то в новом военном лагере, то на северо-западе, в Сучжоу. Линь Сюнь был в Великой академии, Линь Цзинь — в клановой школе. Лишь Линь Ду, чьё слабое здоровье не выносило

зимнего холода, взял в школе отпуск и оставался дома.

Когда слуги доложили о визите молодого господина Суна, госпожа Линь как раз срезала в саду ветки зимней сливы для ваз в покоях.

Семья Линь была небольшой, у Линь Шу была лишь одна супруга, и жили они в согласии. Госпожа Линь быстро перебрала в уме всех домочадцев, понимая, что пересекаться с Сун Сяоси мог разве что Линь Сюнь. Но Линь Сюнь был в Великой академии, и молодой господин Сун не мог этого не знать. Значит, визит имел иную причину...

Госпожа Линь захлопнула ножницы и подумала: «Беда. Наверняка Линь Сюнь снова набедокурил, и молодой господин Сун пришёл жаловаться».

Войдя в малую гостиную, она увидела незнакомого мальчика, спорящего с управляющим.

— Нет, нет, Чернильный должен остаться здесь, — настаивал Сун Сяоси звонким голоском.

Завидев госпожу Линь, слуги поспешили поклониться. Управляющий пояснил:

— Госпожа, молодой господин Сун отказывается отдать нам коня и настаивает, чтобы его привели сюда...

Гостиная была местом для приёма гостей, и привести сюда жеребёнка, который может намусорить, считалось крайней неучтивостью.

Увидев такого милого ребёнка, госпожа Линь сразу же растаяла, а вспомнив, что её сын, возможно, его обидел, и вовсе почувствовала вину. Она сказала управляющему:

— Оставьте его здесь.

Затем взяла Сун Сяоси за руку и повела в дом. — На улице холодно, давай зайдём внутрь. Посмотри, как ты замёрз.

Сун Сяоси потёр покрасневшие от мороза щёки и послушно последовал за госпожой Линь.

— Как вкусно пахнет, — он вдохнул аромат зимней сливы.

Госпожа Линь улыбнулась и протянула ему горячие сладости. — Ты пришёл один?

Сун Сяоси кивнул. У него не было ни братьев, ни сестёр, и он всегда путешествовал один. Но госпожа Линь была такой красивой и доброй, а сладости такими вкусными. — Станьте моей крёстной матерью!

Госпожа Линь чуть не уронила угощение. Выходит, он пришёл не жаловаться, а просить о родстве?

Сун Сяоси всегда был открыт с теми, кто ему нравился. Однако он редко общался с посторонними, и среди них было мало тех, кто ему действительно нравился. Цэнь Цзибай был первым, а госпожа Линь — второй.

Как бы госпоже Линь ни нравился этот милый ребёнок, она не могла просто так стать его крёстной матерью. Семьи Сун и Линь редко пересекались, и такое родство могло создать проблемы для её мужа при дворе. К тому же, став крёстной матерью Сун Сяоси, она автоматически делала канцлера Суна крёстным отцом своего мужа... Нет, муж точно

рассердится.

Линь Ду, узнав о визите Сун Сяоси, подумал то же, что и госпожа Линь: наверняка Линь Сюнь снова натворил дел. Линь Сюнь был любимцем семьи, и госпожа Линь вряд ли его накажет, но и оставить молодого господина Суна без ответа она не могла. Линь Ду чувствовал, что должен разобраться с ситуацией, чтобы не обидеть гостя.

Он никак не ожидал, что, войдя в гостиную, услышит столь шокирующие слова. Крёстная мать?

— Кх... кх... — Линь Ду, чьё здоровье было слабым, простудился в дороге, а теперь, услышав такое, закашлялся.

— Крёстная мама, а это кто? — спросил Сун Сяоси, отчего кашель Линь Ду лишь усилился.

Госпоже Линь так понравилось, как он назвал её «крёстной мамой», что все сомнения тут же испарились. Пусть муж сердится, ничего он не поделает. Она с радостью согласилась:

— Это твой второй брат.

Линь Ду чуть не закашлялся до смерти, но, наконец сдержавшись и с трудом улыбнувшись, собрался что-то сказать, как Сун Сяоси произнёс:

— Второй брат, в следующий раз я принесу тебе подарок.

Госпожа Линь подумала, что ребёнок довольно искренний. Линь Ду, не зная, что сказать, взглянул на красный лакированный ларец рядом с Сун Сяоси и спросил:

— А это что?

Сун Сяоси немного поколебался, посмотрел на госпожу Линь, затем на второго брата и, наконец, выпалил:

— Я пришёл к Линь Саню... то есть к третьему брату.

— Зачем тебе Цзинь? — спросила госпожа Линь, одновременно отправляя слугу за третьим сыном.

Сун Сяоси смущённо улыбнулся. — Я хочу поменяться с ним лошадьми.

Линь Ду удивился. — Какой лошадью?

— Серебряным Инеем! — Сун Сяоси открыл свой ларец и начал выкладывать содержимое: маленькие золотые замочки, нефритовые подвески, серебряные мечи, шпильки, а в одном из отделений оказалась целая горсть золотых слиточков. Это было всё его состояние.

Услышав, что Сун Сяоси пришёл к нему, Линь Цзинь крайне удивился. У них никогда не было никаких связей, он даже не помнил, как выглядит Сун Сяоси.

Войдя в гостиную и услышав, как тот называет его мать «крёстной мамой», Линь Цзинь был ошеломлён ещё больше. С каких пор его мать стала крёстной матерью Сун Сяоси, и почему он ничего об этом не знал?

Линь Ду смотрел на него с выражением полного недоумения и указал на маленького вороного

жеребёнка снаружи. Линь Цзинь, ничего не понимая, поклонился госпоже Линь, как вдруг Сун Сяоси спросил:

— Третий брат, тебе нравится Чернильный?

Сун Сяоси указал на жеребёнка, его лицо светилось ожиданием.

Линь Цзинь терпеть не мог, когда его называли «третьим братом». Всё было как с Цэнь Цзибаем — обращались с показной близостью, а на деле избегали, словно чумы.

Сун Сяоси, видя его молчание, решил, что жеребёнок не понравился, и заволновался. — Чернильный очень послушный! Чухэ-гэ очень тщательно выбирал его для меня. Он сказал, что это боевой конь с северо-запада, и когда вырастет, будет очень грозным!

Линь Цзинь холодно ответил:

— Какое это имеет ко мне отношение?

Госпожа Линь поспешила объяснить:

— Си говорит, что хочет поменяться с тобой лошадьми.

Линь Цзинь оставался холодным, его полумаска из золота лишь усиливала это впечатление. Неповреждённая половина лица, обычно прекрасная и отрешённая, теперь казалась ледяной, словно замёрзшая поверхность пруда. — У меня нет лошади, чтобы меняться с тобой.

<http://bllate.org/book/15933/1423867>